

«Ивушка, ивушка, зеленая моя», — затянуль хоръ.

Дѣдушка сильно, по-цыгански, ударилъ по струнамъ, и вдругъ изъ отверстія гитары посыпались во всѣ стороны отвратительные красные тараканы, и въ одно мгновеніе мое бѣлое платье было ими усыпано. Это было ужасно! Дѣдушка, выбравшись казачка, велѣлъ вычистить гитару и, снова настроивъ ее, сѣлъ въ кружокъ и затянуль «Ивушку», которую дружно подхватилъ хоръ.

Въ концѣ августа мы были дома въ Покровскомъ. Домъ показался мнѣ унылымъ и пустымъ послѣ такого веселья. Братъ и его товарищъ были уже въ корпусѣ. Вечера стали длинные и темные. Погода испортилась. Утромъ наскѣ развлекали грибы, мы ходили набирать ихъ въ лѣсъ, а вечеромъ, когда мать бывала занята, старшая сестра сидѣла за книжкой, а я съ Соней, забравшись къ себѣ наверхъ, сидѣли вдвоемъ.

Она усердно писала свою повѣсть; выражение лица, за которымъ я слѣдила, постоянно мѣнялось, смотря по тому, что она писала.

Я сидѣла за тѣмъ же столомъ съ любимой моей книгой, «Евгеніемъ Онѣгінъ», кото-раго перечитывала второй разъ, и изрѣдка спрашивала сестру:

— Соня, ты написала что-нибудь про меня?

— Написала, — добродушно отвѣчала она.

— Ну, прочти.

И она читала.